

Правда. — 1994. — 23 июля.
Солженицын в столице

Его, как и прежде, охраняют

Солженицын приехал в Москву в четверг в половине девятого вечера. Он вернулся в Россию. Место встречи его на Ярославском вокзале было оцеплено милицией в голубых форменных рубашках и спецназом в пятнистой униформе. За час до прибытия поезда омоводец, перетаскивая заградительный барьер, вяло прикрикнул на толпу: «Шли бы пиво пить!»

Но кому — пиво пить, кому — обустроить Россию, кому — вернуться в нее из вермонтского далека.

Народ прибывал и прибывал. Я попробовала пройти внутрь оцепленного каре, омоводец покрутил в руках удостоверение «Правды», позвал милиционера. Тот корректно объяснил, что на вокзале, объекте повышенной опасности, и так нарушают права человека.

Больная старуха убеждала людей, что приезжает Ельцин.

...И все же не верилось. Великий отшельник, казалось, не ступит на перрон, так и останется под глыбами книг, в мощи «Архипелага». Чего мы ждали между двумя дождями? Откровения? Чуда? Чтобы он накормил народ пятаю хлебами?

Откровения — были. Чудес не будет. Пять хлебов не накормят.

Мы ждали не политика, не общественного деятеля. Писателя. Но приехал все же писатель-политик. Самый политический писатель России. Той России, которая ценит его подвиг, той России, которая не забудет глухого, но все же согласившегося голоса Солженицына, прозвучавшего после трагедии «Белого дома».

...Другая больная старуха закричала в толпу, что приезжает царь. Там в это время ругали интеллигентов.

Но ожидание становилось напряженнее. Оно насыщалось репортерской суетой, политическими дебатами граждан Ярославского вокзала. И только показавшись поезд, с неба закапали тяжелые капли дождя. Они ударили по головам и по плечам и замочили плакат «Мы, Россия, умытая кровью 4 октября». Буквы стали растекаться.

И когда он заговорил, все, кто шумел, кто выкрикивал все время неприличные слова, вдруг замолчали, онемели: это было влияние его глаз, его голоса, его лица. Правда, тут, в толпе, удалось расслышать не очень многое, ловили обрывки фраз. «...Я снова в России. Я снова среди своих... Сейчас государство сломано, не выполняет обязанностей перед людьми... Демократия — это не игра политических партий, и народ — не материал для избирательных кампаний». Он говорил о разгуле преступности, об униженности крестьянина, о двадцати пяти миллионах соотечественников, «покинутых за новосозданными рубежами».

— Чтобы выбраться из этой ямы, потребуются большие усилия в верхах, большие усилия снизу...

Я посмотрела на гребешок здания Ярославского вокзала. Там были серп и молот и четыре буквы — СССР.

Такой страны уже нет. Есть Россия. С Солженицыным.

Ольга ВЕЛЬДИНА.

Фото Ильи ПИТАЛЕВА.

